Кате Гайдар —
любимой внучке Егора Гайдара —
и ее поколению, которое сумеет
оценить его по заслугам.

Книжка для смышленых людей от десяти
до шестнадцати лет.
А также для тех взрослых, которые захотят понять,
наконец, то, что им не удалось понять до 16-ти.
Короче говоря — для всех, кто решится отбросить мифы
и россказни о прекрасной эпохе Брежнева и о «плохих»
90-х — тех самых, для которых в течение «нулевых» лет
политтехнологи хитроумно закрепили в сознании людей
одно именование: «лихие девяностые».
Для тех, кто сам захочет понять недавнюю историю
своей страны в ее драматической и вселяющей
надежду реальности.
Кто задумает узнать, какие же они были
на самом деле — эти 90-е…
И еще он узнает из этой книжки историю недолгой
и яркой жизни одного из самых замечательных людей
российского
XX века.

Мариэтта Омаровна Чудакова

ЕГОР

Биографический роман
Книжка для смышленых людей от десяти до шестнадцати лет

У замечательного российского литературоведа, писателя и общественного деятеля Мариэтты Омаровны Чудаковой есть две цели, достижению которых она отдает сейчас больше всего сил, времени и таланта. Цель первая: научить подростков читать книги и — думать. Цель вторая: научить подростков разбираться в людях и — думать. Новая книга Чудаковой успешно работает сразу на обе цели. Во-первых, потому, что Егора Гайдара автор считает одной из самых выдающихся личностей XX века, идеальным жизненным примером для современной молодежи. А во-вторых, потому, что подросток, внимательно прочитавший и обдумавший книгу Мариэтты Чудаковой о Егоре Гайдаре, достигнет важной высоты в своем интеллектуальном развитии и, как надеются автор и издательство, впредь уровня не снизит.

БЛАГОДАРНОСТИ

Этой книги не было бы без постоянной помощи матери Егора Гайдара — Ариадны Павловны Бажовой-Гайдар. Преодолевая неутихающую боль потери, она с вниманием читала все варианты рукописи, снабжала меня документами и поощряла к работе. Спасибо всем близким героя книги, кто знакомился с моей рукописью и принял мой подход к биографии и личности Егора Гайдара.

Моя глубокая благодарность Якову Уринсону — без его неоднократного чтения всей рукописи и апробации моих экскурсов в экономику я никогда не решилась бы превращать эту рукопись в книгу.

Моя признательность друзьям и близким, читавшим рукопись и помогавшим советами и поощрениями, — Инне Мишиной, Евгению Тоддесу, Татьяне Пшеницыной, Наталье Самойловой, Андрею Мосину, Евгении Астафьевой, а также бессменной помощнице Гайдара Елене Мозговой. Особые чувства —
моему редактору, директору издательства «Время» Алле Михайловне Гладковой, увлекшейся книгой и поверившей в важность ее издания.

Сердечно благодарю сподвижника Егора Гайдара в первом правительстве постсоветской России Петра Авена, без дружеской поддержки которого книга о Гайдаре вряд ли была бы написана в весьма сложных для ее автора обстоятельствах 2011 года.

…В них самих нет красоты и размаха, и они отказывают в этих достоинствах всем; слишком трусливые, чтобы дерзать, они уверяют, что дерзание умерло еще в средние века, если не раньше… Эти люди никогда не видели гор, значит, гор не существует.

…От их взора скрыты славные пути и те смертные, что идут этими путями, поэтому они отрицают существование и славных путей, и отважных смертных.

Джек Лондон

Время?
Время дано.
Это не подлежит обсужденью.
Подлежишь обсуждению ты,
разместившийся в нем.

Наум Коржавин. Вступление в поэму, 1952

ПРЕДИСЛОВИЕ

Подумавши, пришла я к выводу, что эта книжка — все-таки не для каждого даже из смышленых.

А только для таких, кто или уже любит и умеет *анализировать*, или хочет этому выучиться.

А что это значит — «анализировать»?..

Ну, это прежде всего — думать. Работать головой. Пользоваться своим разумом как рабочим инструментом.

Не довольствоваться одними эмоциями — типа «Не нравится, и всё!» Или — «А моя бабушка говорит, что…». Но пытаться узнать и понять.

Вам кажется, например, что кто-то поступил плохо. Потому что причинил лично вам и вашим близким какое-то — и, может быть, очень чувствительное — неудобство.

Но этого, должна вам сообщить по секрету, еще недостаточно для того, чтобы тут же его возненавидеть и начать поносить. (Хотя многим взрослым дяденькам и тетенькам у нас в России кажется, что совершенно достаточно.)

Сначала нужно разобрать все происшедшее на составные части. Затем установить между ними причинно-следственные связи…

Впрочем, прояснится все это дальше.

часть первая

ЕГОРКИНО ДЕТСТВО. МОРЕ

Счастливая, счастливая невозвратимая пора детства!..

Лев Толстой

…Если не верить в детстве, что ты можешь *все*, то, выросши, ты, скорей всего, не сможешь вообще *ничего*…

Анонимный философ

1. МОСКВА. САМЫЕ-САМЫЕ РАННИЕ ГОДЫ

Когда Егору исполнилось четыре года, его отдали в детский сад. Ходить туда он не любил. Ему хорошо было дома, где соблюдались «либеральные порядки»: как рассказывает его мама, разрешалось все. Кроме того, что не разрешено: лгать, лениться, сквернословить и плохо относиться к старшим.

И когда однажды Егор заболел и долго просидел дома, то очень даже радовался. Когда же выздоровел — отправился в садик с большой неохотой.

А его там встретили прямо-таки очень хорошо, радостно и ласково:

— А, Егорушка! Как хорошо, что ты пришел! Тебя так долго не было, мы все по тебе так скучали. И ты, наверно, тоже скучал по своему садику? Да?

Его мама вспоминала много лет спустя, как он стоял перед воспитательницей, бледный и сосредоточенный: ведь он был приучен не лгать… Наконец любезно улыбнулся и тихо сказал:

— Да.

Он не смог ее огорчить, сказав правду. И, после мучительных колебаний, принял одно из первых в жизни трудных решений.

Дома были мама и папа — недавний подводник, теперь журналист, мало бывавший в Москве, все больше в плаванье, откуда писал свои корреспонденции. «По морям, по волнам, нынче — здесь, завтра — там».

Прибегая домой со двора, Егорка с надеждой спрашивал:

— Папа дома?

Мама читала Егору разные книжки, среди них — книги обоих его дедушек. Он никогда их не видел, но все равно любил. Аркадия Гайдара — папиного папу. И Павла Бажова — маминого.

Дедушек давно не было на свете, но висели на стене их портреты: один — молодой, со смеющимися глазами, другой — с бородой, но добрый. И книги их стояли на полке. Всегда можно взять их и почитать.

Зато у Егора были целых две бабушки.

Папина мама жила в Москве, а на лето снимала в Дунине дачу. И Егор всю зиму мечтал о Дунине, о том, как будет там играть с друзьями. А мамина мама жила в Свердловске (хоть теперь вы такого города на карте не найдете — он снова, как

в прошлые века, давно уже называется Екатеринбургом). Туда он тоже ездил летом. И очень любил уютный бревенчатый бажовский дом.

Дома, в московском дворе, тоже были друзья — мальчики и девочки. Перед девочками Егор немножко робел — ведь с ними нельзя обращаться так же, как с мальчишками! Его отцу, морскому офицеру, это бы не понравилось.

Однажды утром раздался требовательный звонок в дверь. Мама открыла. На пороге стояла Таня Тройчешникова собственной персоной — самая красивая девочка во дворе, в новом платье…

— Егор дома? — строго спросила она.

Егорка вышел, ошеломленно взирая на чудное виденье.

— Нам пора идти гулять, — сказала Таня твердо.

И Егорка, как лунатик, вышел из дома вслед за Таней, не только не спросив у мамы разрешения, но даже не взглянув в ее сторону!.. Слишком сильным оказалось впечатление от неожиданного визита Тройчешниковой.

Как вспоминала потом его мама, на лице Егорки было написано: уж если Таня за ним зашла, то другого варианта, как тут же отправиться с ней гулять, и быть не может…

— С каких лет Егор читал? — спросили недавно у его мамы Ариадны Павловны.

— Не помню… — растерянно сказала она. — Он, по-моему, всегда читал…

— А вы учили его читать?

— Нет! Точно помню, что никто его не учил. Года в три, во всяком случае, он знал все буквы — мы случайно это обнаружили…

…Взрослого Гайдара спросили, что он читал в свои детские годы.

Он ответил коротко:

— Все. Но из первых, еще дошкольных, книг больше всего мне нравились «Маугли» Киплинга и «Таинственный остров» Жюля Верна.

Его мама добавляет сюда «Всадника без головы» Майн Рида и романы Дюма — в чуть более поздние годы. И еще «Старика Хоттабыча».

…В тот день, когда он родился на свет (уже с именем — имя выбрали заранее), мама Егора писала его отцу Тимуру Гайдару из роддома: «Егор широкоплечий… Он маленький,

но очень жизнедеятельный. Он один мальчик в нашей палате. Только его одного принесут мне сейчас так рано…».

А это означало, что младенец сразу показал себя очень жизнеспособным.

Весна 1956 года, когда он родился, стала временем надежд в его стране. Везде шли собрания, на которых читали вслух (но печатать — не печатали) доклад Хрущева о страшных преступлениях Сталина. Люди возвращались домой из сталинских концлагерей Колымы, Магадана, Воркуты, и им объясняли, что они, оказывается, сидели зазря, безо всякой вины. Правда, они это сами и без того знали.

И Тимур Гайдар радостно писал жене в роддом, что сам воздух в стране стал другим!

Да — пахло надеждой…

2. «МАУГЛИ»

«— Детеныш человека! Смотри!

Как раз напротив волка, держась за низкую ветку, стоял голый коричневый малыш, только что научившийся ходить, самая мяконькая и самая усеянная ямочками крошка, которая когда-либо попадала ночью в волчье логово.

Он посмотрел прямо в лицо Отцу Волку и засмеялся.

— Это человечий детеныш? — спросила Мать Волчица. — Я никогда не видела их. Дай-ка его сюда.

Волк, привыкший переносить собственных детенышей, в случае необходимости может взять в рот яйцо, не разбив его, а потому, хотя челюсти зверя схватили ребенка за спинку, ни один зуб не оцарапал кожи. Отец Волк осторожно положил его между своими детенышами.

— Какой маленький! Совсем голенький! И какой смелый, — мягко сказала Мать Волчица. Ребенок растаскивал волчат, чтобы подобраться поближе к ее теплой шкуре. — Ай, да он кормится вместе с остальными! Вот это человечий детеныш! Ну-ка, скажи, была ли когда-нибудь в мире волчица, которая могла похвастаться тем, что между ее волчатами живет детеныш человека?

— Я слышал, что такие вещи случались время от времени, только не в нашей стае и не в наши дни, — ответил Отец Волк. — На нем совсем нет шерсти, и я мог бы убить его одним прикосновением лапы. Но взгляни: он смотрит и не боится».

Вот чем он завоевывает сердце Отца Волка! Это Егорка очень хорошо понимает. Да и Матери Волчице тоже нравится, что человечий детеныш такой смелый: «Он пришел к нам совсем голый, ночью, один, и все же он не боялся!»

Тут в пещеру пробует протиснуться тигр Шер Хан.

Он хочет вернуть свою добычу: это он унес ребенка у людей — себе на обед…

«—…Клянусь убитым мною Быком, должен ли я стоять, сунув нос в вашу собачью конуру, ради того, что принадлежит мне по праву. Это говорю я, Шер Хан.

Рев тигра наполнил пещеру громовыми раскатами. Мать Волчица стряхнула с себя детенышей и кинулась вперед; ее глаза, блестевшие в темноте, как две зеленые луны, глядели прямо в пылающие глаза Шер Хана.

— Говоришь ты, а отвечаю я, Ракша (Демон). Человечий детеныш — мой, Лунгри! Да, мой. Он не будет убит. Он будет жить, бегать вместе со Стаей, охотиться со Стаей и, в

конце концов, убьет тебя, преследователь маленьких голых детенышей, поедатель лягушек и убийца рыб! А теперь убирайся или, клянусь убитым мною оленем (я не ем палого скота), ты, паленое животное, отправишься к своей матери, хромая хуже, чем в день своего рождения! Уходи!

Отец Волк посмотрел на нее с изумлением. Он почти позабыл те дни, когда завоевал Мать Волчицу в честном бою с пятью другими волками; тогда она бегала в Стае, и ее называли Демоном не из одной любезности…»

И Шер Хан со страшным ворчанием отступил, детеныш остался у волков с четырьмя их волчатами, и вскоре Стая приняла его в свои ряды. Но не так все просто. Не так, не так все просто… Недаром Багира спустя не очень-то долгое время будет уговаривать Маугли вернуться к людям, своим братьям — пока его не убили.

«— Но зачем кому-то убивать меня? — спросил Маугли».

Вот то-то и оно-то. Ни Маугли, ни Егорка не знали, что нередко ненавидят, а иногда даже убивают — только за непохожесть…

Почему-то Егорке очень нравилось одно место на тех же страницах.

Про то, что после непременного представления на Совет Стаи подросших волчат, они «могут бегать, где им вздумается, и пока они не убили своего первого оленя, нет оправдания тому из взрослых волков, кто убьет волчонка. Наказание за это — смерть, если только поймают убийцу. *Подумай с минуту, и ты сам поймешь, что так и должно быть*».

Нет, ему совсем не то нравилось, что кому-то — смерть.

Он вообще был против, чтоб кого-то живого убивали насовсем, насмерть. Но, конечно, Егорка понимал, что у волков нет тюрем, и убийцу некуда посадить надолго или навсегда.

А нравились ему — он сам не знал почему — те именно слова, которые мы выделили для вас курсивом.

Да, вот почему?..

Ведь Егорке по малолетству совсем неоткуда было узнать, что это большая редкость у нас (да, может, вовсе не только в России, а и везде) — остановиться и *подумать с минуту* над тем, что ты только что услышал.

Большинство людей судит, что называется, с кондачка — у них ответ вам готов раньше, чем вы договорили. Что первое в голову пришло, то и ляпнул. Потом только, много времени спустя, человек, спохватившись, может, и почешет в затылке:

«Что это я такое сморозил?» Только большинство никогда и не спохватится. Несут себе вслух всякую дичь и ахинею, как дети малые.

Ничего такого Егорка, точно вам говорю, совсем еще не знал. Но слова эти повторял, беззвучно шевеля губами: *«Подумай с минуту, и ты сам поймешь…»* Может, ему нравилось, что Редьярд Киплинг обращается прямо к нему, Егорке? Его призывает поразмыслить?..

На этот раз обратился Киплинг явно по адресу. Егорка размышлять как раз любил. Он рано стал человеком рассудительным.

Не то что Обезьяний Народ, водиться с которым было запрещено Законом. С неодобрением он читал про них:

«…Они ни о чем не помнят. Они болтают и хвастают, будто они великий народ и задумали великие дела в джунглях, но вот упадет орех, и они уже смеются и всё позабыли…» Обезьяны постоянно собирались завести «свои законы и обычаи, но так и не завели, потому что память у них была короткая, не дальше вчерашнего дня». «У обезьян никогда не бывает цели…», «Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения! Достойны восхищения, как ни один народ в джунглях! Мы все так говорим — значит, это правда! — кричали они».

Вот уж глупость так глупость. «Все так говорим!..» Егорка давно понял, что очень даже много людей могут все вместе говорить не только неправду, но вообще чушь.

Откуда он это узнал — *покрыто мраком неизвестности* (Егорка очень любил эти слова, откуда-то им вычитанные). И Егорке пока неизвестно, что во взрослой жизни вот это самое знание еще сослужит ему службу.

На самое-то главное, за что все презирали обезьян, указал медведь Балу (а мы выделим это курсивом; и в дальнейшем курсив в цитатах везде будет наш — за исключением специально оговоренных случаях курсива авторов цитат): «Я научил тебя Закону Джунглей — общему для всех народов джунглей, кроме Обезьяньего Народа… *У них нет Закона*».

Можно смело сказать, что именно книжка про Маугли впервые открыла Егорке глаза на очень важную вещь.

Оказывается, что даже в джунглях, где у всех обитателей совсем разные интересы — пантере Багире и Матери Волчице интересно съесть оленя, а оленю совсем не интересно, чтоб его кто-то ел, — все хищные звери и мирные животные все-таки могут сосуществовать и даже бок о бок растить

потомство, каждый свое. Только потому, что все они подчиняются одному неписаному *Закону Джунглей*.

И только обезьяны не хотят подчиняться никакому вообще закону. Потому и пользуются общим презрением. А сами еще придумали поговорку: *«Все джунгли будут думать завтра так, как обезьяны думают сегодня»*.

То есть хотят уверить себя и других, что у них — свой особый, от всех отличный и, конечно, самый лучший путь. И именно он-то и имеет будущее…

Я не могу вам сказать доподлинно, справедливо ли то, что писал Киплинг, в отношении жизни джунглей, — для этого надо обладать большими специальными знаниями о животном мире. Но точно скажу, что это справедливо в отношении жизни человеческого общества.

Это общество, во-первых, должно подчиняться Закону. А во-вторых, стремиться идти тем путем, эффективность которого уже доказана, а не придумывать изо всех сил свой, особый.

Об этом и сложена известная очень даже хорошая пословица: «Умный учится на чужих ошибках, а глупец — на своих».

…С замиранием сердца читал Егорка о смелости человеческого детеныша. Его поведение точка в точку совпадало с тем, что всегда требует от самого Егора его отец!

«Вообще в нашей семье трусость, даже намек на нее считались самым страшным пороком. Отец прыгает с вышки бассейна, предлагает и мне сделать то же самое. Это приглашение не доставляет мне ни малейшего удовольствия. Однако прыгаю, больно шлепаюсь животом о воду, но делаю вид, что получаю немыслимое наслаждение» (*Е. Гайдар*. Дни поражений и побед, 1996; далее — только имя автора и год).

В середине 90-х один из журналистов спрашивал Гайдара, боялся ли он чего-либо в детстве. «…О страхах не то что не говорилось, — поясняет взрослый Гайдар, — а даже намеки о них не допускались. Конечно, наверняка чего-то боялся, но чего конкретно — не помню… Культ смелости — он шел от Аркадия Гайдара.

— Что ценилось в вашей семье кроме смелости?

— Знания».

А Маугли не боится ничего, вступает в любой бой: *«Он не понимал, что такое страх»*. Правда, ему помогают в сражениях с опасными обитателями джунглей разные человеческие знания, которых нет у зверей. Знания,

доставшиеся ему неизвестно каким путем, — ведь Маугли не успел пообщаться со своими родителями, за что Егорка очень его жалел.

«Ну что ж, — думал Егор, — не иначе как эти знания достались ему *генетически*». Значение этого слова Егорка, конечно, уже хорошо знал — на то и словари в доме. И правда — в книжке, например, сказано, что «Маугли, как сын лесоруба, многое знал, сам не помня откуда, и умел строить шалаши из хвороста, сам не зная, как это у него получается».

И еще замирало маленькое сердечко Егорки, когда он читал, как Отец Волк или Мать Волчица говорили: «Мы, Волки, — Свободный Народ». Эти два слова — *Свободный Народ* — действовали на него прямо-таки колдовским образом. Волновали, будоражили.

Он много читал стихов, легко запоминал их наизусть и, читая у Киплинга про Свободный Народ, вспоминал то строчки современного поэта Александра Кушнера:

Затем, что свобода одна —
Достойная жизни подкладка…

а то и самого Пушкина:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы…

«Для чести живы…» Егор много думал и над этими словами — правда, мало что придумал. Но они все равно очень и очень задевали его за живое. Тоже сильно волновали.

Потом в «Капитанской дочке» Пушкина прочитали с мамой на первой же странице эпиграф: *«Береги честь смолоду».* Мама еще так серьезно на него посмотрела. И опять Егорка очень заволновался. Чувствовал, что в этих словах что-то очень важное. Может быть, даже самое важное на свете, без чего совсем невозможно жить. Если ты, конечно, человек, а не свинья под дубом, как в басне Крылова.

А из любимой книжки «Маугли» еще ему нравился почему-то такой вот кусочек: когда Маугли подрос, пришел к людям и одно время жил с ними, то он, усевшись вместе с взрослыми вечером вокруг дерева, слушал старого охотника Балдео. Тот рассказывал «о повадках зверей в джунглях, так что у мальчиков, сидевших вне круга, дух захватывало».

Этот Балдео был большой хвастун и выдумщик. Но те, кто не бывал в джунглях, ему верили — потому что сами-то ничего про джунгли не знали. Егору особенно нравилось, что «Маугли, который, разумеется, хорошо знал то, о чем здесь рассказывали, закрывал лицо руками, чтобы никто не видел,

как он смеется. Балдео, положив мушкет на колени, переходил от одной истории к другой, а у Маугли тряслись плечи от смеха».

…И я хочу под большим секретом рассказать читателям этой книги кое-что про то время, когда Егорка был уже давно не Егоркой, а Егором Тимуровичем. И однажды, сидя в президиуме, вел серьезную международную конференцию. Сам он вырос, должна вам сказать, человеком светским, то есть хорошо воспитанным. Он очень вежливо обращался решительно со всеми людьми. В том числе, конечно, и с теми, про недружелюбное отношение которых к нему самому точно знал.

И вот он сидит в президиуме — то есть лицом ко всему залу. А с небольшой трибуны справа от него выступает один его коллега. Про этого коллегу всем хорошо известно, что он ненавидит сумасшедшей ненавистью самого близкого друга Гайдара. А уж заодно и его самого.

И пока этот коллега говорит на тему доклада — все идет хорошо. И вдруг докладчик — почти случайно — упоминает имя объекта своей ненависти...

С этого момента доклад летит под откос. Кажется, что докладчик вообще забыл его тему и у всех на глазах повредился в рассудке. Он только ругательски ругает своего ненавистника (так в русских деревнях называли того, кого не любили), поносит его, как может. Словом, честит на все корки.

А Егора Гайдара это зрелище не злит и даже не раздражает, а очень смешит. Но как светский (то есть, напоминаю, воспитанный) человек он не может, глядя прямо в зал, хохотать над бедолагой открыто. И поэтому сидит, поставив щитком ладонь у рта, чтобы укрыться главным образом от докладчика. И беззвучно смеется. Его смешит такое неприкрытое проявление человеческой слабости. У него просто нет сил удержаться от смеха. И вот так он смеялся до самого конца злополучного доклада — и у него, как у Маугли, тоже тряслись плечи от смеха…

…Неужели вспомнил хвастуна Балдео? И своего любимого героя?..

Еще с восторгом читал и перечитывал Егорка про то, как все хорошо продумал Маугли, и Джунгли — то есть весь животный мир, их населявший, — сумели победить общими дружными усилиями тупых и злобных Диких Собак! Иначе

пришлось бы отдавать им прекрасные Джунгли насовсем, а всем жителям Джунглей бежать на север…

Егорка вообще любил, когда все любили всех. А этого в книжке про Маугли — навалом. Поэтому ужасно нравилась ему дружба Маугли с огромным удавом Каа. И он с удовольствием в который раз погружался в рассказ о том, как Маугли пришел советоваться с мудрым, очень долго прожившим на свете удавом про Диких Собак: «Каа, по обыкновению, изогнулся, словно мягкий гамак, под тяжестью Маугли. Мальчик протянул в темноте руку, обнял гибкую, похожую на трос шею Каа и привлек его голову к себе на плечо…»

Конечно, Егору очень нравилось, что полюбившие Маугли дикие звери и мирные животные выучили его понимать язык всех обитателей Джунглей. Но почему-то его оставлял равнодушным необходимый для установления контакта клич: «Мы с тобой *одной крови*, ты и я!». Он не мог понять — почему. И понял, только когда стал взрослым.

Но вот с чем Егорка никак не мог смириться — это с тем, что родная мама Маугли его не узнала. Помните? Когда Маугли появился в ее хижине уже подростком, она никак не могла уверенно сказать, что — да, это ее сын. Тот, кого в полтора года унес тигр. И вот теперь он пришел к ней…

Егорка все думал и думал: могла ли бы его мама засомневаться когда-нибудь — он это или не он? И пришел к твердому выводу — нет, никогда! Такого он себе представить не мог. А эта индианка — мать Маугли — смотрит на его пятки и видит, что они сильно ороговели от ходьбы босиком. И приходит к выводу, что *«эти ноги никогда не знали башмаков»*, а значит, это не ее сын, которому она когда-то подарила новые башмаки!..

Нет, Егорка не видел здесь никакой логики. И на мать Маугли он сердился.

3. ЕЩЕ ПРО ДЕТСТВО

Егорка очень рано знал цифры и выучился считать — не только в пределах десятка, но даже сотни.

Внизу в их доме находилась булочная. Однажды — Егору не было еще пяти лет — мама послала его за хлебом, дав несколько монеток. Он долго не возвращался. Пришел с хлебом, протянул на ладошке оставшуюся от покупки мелочь и сказал дрожащим от обиды голосом:

— Она думает — я не умею считать…

Оказывается, продавщица дала ему булку, а сдачу — две копейки — не дала. Он стоял у прилавка молча и ждал. Потом продавщица спросила:

— Мальчик, ты почему домой не идешь?

Он еле слышно ответил:

— Я жду сдачу…

— Никакой тебе сдачи нет, иди домой!

И он пошел, удрученный людской нечестностью...

Ранний вечер в доме Тимура Аркадьевича Гайдара.

К отцу Егорки в гости опять пришли военные, по большей части в темно-синих морских мундирах, с весьма серьезными звездами на погонах.

Мальчик в коротких штанишках, четырех-пяти лет от роду, выходит из детской комнаты с шахматной доской под мышкой. Взрослые улыбаются ему навстречу. Они готовы поговорить с сынишкой Тимура об его оловянных солдатиках, посмотреть недавно появившегося огромного плюшевого мишку… А круглоголовый мальчик тихо спрашивает:

— Вы не хотели бы сыграть в шахматы?..

Ну почему бы не развлечь такого симпатичного ребенка? Он, конечно, путается в ходах — заодно и подучим.

Один из офицеров решительно отставляет рюмку, усаживается на табуретку за маленький столик. Фигуры расставлены. Переговариваясь с товарищами за большим столом, морской офицер рассеянно, лишь изредка взглядывая на доску, переставляет фигуры.

Егорушка так же тихо говорит:

— Шах.

— Что? — встрепенулся кавторанг. — Какой еще шах?!

Егор делает еще один ход и еще тише говорит:

— Мат.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.